

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2019–2020 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 9 КЛАСС

1. [40 баллов] ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Прочитайте переводы классических текстов русской литературы XIX века на сербский язык. Выполните задания.

1. [7 баллов] Догадайтесь, какие тексты русской литературы представлены данными переводами. Укажите авторов и названия произведений.
2. [8 баллов] Переведите по возможности на русский язык несколько слов и выражений из первого фрагмента прозаического текста. Прочитайте по-русски несколько стихотворных строк или строф из второго фрагмента.
3. [5 баллов] Укажите, из какой части произведения взят первый фрагмент и для кого он был предназначен автором произведения.
4. [20 баллов] Напишите небольшое (10–12 предложений) рассуждение: «Легко ли быть переводчиком?»

В рассуждении о художественном переводе и вольности переводчика вам могут помочь высказывания двух знаменитых переводчиков иноязычных поэтов.

«Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник»
(В.А. Жуковский).

«Из этого надо сделать русские стихи, как я делал из Шекспира, Шевченки, Верлена и других, так я понимаю свою задачу» (Б.Л. Пастернак).

Оцениваются: точность аргументации, количество ссылок на названия и тексты художественных произведений, грамотность.

Переводы с русского на сербский

А. Градоначелник, човек који је већ остарио у државној служби и, на свој начин, доста паметан. Ма да је подмитљив, ипак се понаша веома солидно, доста је озбиљан и воли помало да мудрује; не говори ни гласно ни тихо, ни много ни мало. Свака његова реч има своју вредност.

Б.

У час живота тешки,
Кад туга душу мори,
Молитву једну чудну
Напамет срце збори.

Благодетна је сила
У живе речи звуку,
у тој лепоти светој
заборављам сву муку.

Са душе бреме пада,
Далеко ј' сумња јако –
И верујем, и плачем,
И лако ми је, лако...

(Перевод
К.Тарановског)

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 250–350 слов.

Вариант 1

Александр Валентинович Вампилов (1937–1972)

СУМОЧКА К РЕБРУ

Рабочий день литературного консультанта Владимира Павловича Смирнова начинается с чтения рукописей. Разбор некоторых из них требует изрядных криминалистических навыков. В других – отклонение от грамматики мешает додуматься до смысла написанного. Иногда написанное вообще не имеет никакого смысла. Владимир Павлович хмурится и слегка нервничает. Часов с десяти начинают появляться авторы. По утрам любит приходить начинающий поэт Рассветов. Он раздевается и садится напротив Владимира Павловича. Рассветов страшно интеллигентен, но ходит всегда неприлично лохматым. Скептик ужасный. Даже собственные стихи он читает с пренебрежением. Пишет о полях и о деревьях, но больше о чувствах. Пишет плохо. Сначала Рассветов посылал стихи почтой и был неприятен Владимиру Павловичу как автор, но вот он стал приносить стихи сам и стал неприятен ещё и как человек.

– Мелкотемье, товарищ Рассветов, и форма у вас не блестящая, – сдержанно говорит Владимир Павлович, пытаясь вернуть Рассветову стихотворение.

– Мелких тем нет. Есть мелкие авторы, – надменно говорит Рассветов.

Владимиру Павловичу хочется сказать Рассветову, что он и есть автор самый мелкий, что ему надо бросить писать и заняться поднятием тяжестей, но этого сделать нельзя, и Владимир Павлович подробно разбирает стихотворение, советует, спорит, читает лекцию по литературоведению и очень вежливо даёт понять, что стихотворение не может быть напечатано. Рассветов надувается и уходит создавать художественные ценности.

Следующий – молодцеватый стриженный парень, недавно демобилизованный солдат, автор романа «Три года в строю». Автор требует напечатать «хотя бы главы». Роман лежит у Владимира Павловича в самом дальнем углу стола вместе со склянкой настойки из ландыша.

– Прочитали? – звонко спрашивает стриженный парень.

– Читаю, – хмуро говорит Владимир Павлович. – Зайдите дня через два.

– Сколько можно ходить! – нахально говорит парень. – Я не потерплю бюрократического подхода к моему творчеству!

Владимир Павлович тупо смотрит на посетителя, на его богатырскую грудь, украшенную четырьмя автоматическими ручками, и ему страшно

хочется достать из стола роман, рвать его на глазах у автора и выкрикивать при этом оскорбительные отзывы, но Владимир Павлович спорит, убеждает, советует читать Тургенева и грамматику.

Приходит мастер короткого газетного жанра Коля Гонорарьев. Этот долго не задерживается, но всё-таки оставляет неприятное впечатление.

Потом идут другие – молодые, старые, вежливые, заносчивые, сердитые и обидчивые. Попадают нервные. Как-то после работы Владимир Павлович достал из стола два новых письма и хотел уже сунуть их в папку для того, чтобы прочитать дома, но машинально разорвал один конверт и вынул оттуда на редкость маленькую бумажку.

В этот день Владимир Павлович анализировал поэму Рассветова о боярышнике и был порядком утомлён. Кроме того, демобилизованный романист назвал его Бенкендорфом. К концу дня его нервы находились, кажется, вне всякой системы.

Владимир Павлович развернул бумажку. Неведомый автор предлагал стихотворение, которое начиналось так:

Из подворотни выбрел пёс лохматый
И вдруг завоил, словно не к добру.
Подкрадывался сумрак бородатый,
Подвязывая сумочку к ребру.

«Что это? – подумал Владимир Павлович, чувствуя, что ему становится не по себе. – Какую сумочку?! К какому ребру?»

Владимир Павлович прочёл это ещё раз, попробовал хихикнуть, но смех вышел таким, что он сам его испугался.

Он быстро оделся и поспешно покинул пустой кабинет. По дороге домой Владимир Павлович держался многолюдных и освещённых мест. Странное четверостишие не давало покоя. Тёмный коридор он прошёл быстро и с таким чувством, что его вот-вот ударят по голове чем-нибудь жёстким и тяжёлым. Войдя в свою квартиру, он запер за собой дверь.

Жена сидела на диване и вышивала что-то болгарским крестом. Владимир Павлович заговорил шёпотом:

– Маша, у нас никого нет?

– Никого. А что?

– Вот! – Владимир Павлович вынул из папки конверт и осторожно, словно эта была бутылка с негашёной известью, передал его жене. – Прочти. Только... Ребёнок спит? Спит? Тогда прочти... Нет-нет, не надо вслух.

– Ничего особенного, – сказала хладнокровная жена, прочитав. – «Сумрак бородатый» – хорошо, а вообще несколько туманно...

– Несколько? – перебил Владимир Павлович, нервозно вздрагивая. – Это чёрт знает что: «Завоил!» – какое адское слово. Всё встречалось: поэтические вольности, охотничьи рассказы, шаманские могилы, но такого... Нет-нет! Это что-то жуткое... Я думаю, Эдгар По побледнел бы. А я всё-таки человек рядовой, с ограниченным воображением, у меня ребёнок, ещё могут быть дети... Нет, я не могу! Я уйду с этой работы. Завтра же. Сегодня же! Займусь чем-нибудь другим... Буду менять собственную тень на шагреновую кожу – спокойнее...

Жена бросила вышивание и внимательно посмотрела на мужа. Только сейчас она заметила, что Владимир Павлович бледен и необычно суетлив.

– Послушай, Маша, – сказал Владимир Павлович вкрадчиво, – тебе никогда не казалось, что на тени ты похожа на Бенкендорфа? Да-да. Я всё время думал на кого, и вот сейчас...

Перепуганная жена увела Владимира Павловича в спальню и уложила в постель. Потом она вернулась в комнату, подошла к телефону и набрала нужный номер...

Через неделю начинающий поэт Рассветов, прогуливаясь по улице с девушкой, встретил Владимира Павловича, который против обыкновения не свернул в сторону и не отвёл глаз, а пошёл прямо навстречу Рассветову так, что тот должен был остановиться.

– Вот что, молодой человек, – сказал Владимир Павлович не поздоровавшись... – Не ходите вы по редакциям и не пишите стихов. Чтобы нравиться девушкам, не обязательно писать стихи. Я вам это давно хотел сказать, но не мог. А теперь могу. У вас не то что талант, у вас здравый смысл отсутствует.

– Рехнулся! – сказал посрамлённый поэт, глядя вслед уходящему Владимиру Павловичу.

Он был не прав. Владимир Павлович перешёл на другую работу и был совершенно здоров.

<1965>

Вариант 2

Вадим Сергеевич Шефнер (1915–2002)

ФАНТАСТИКА

Как здесь холодно вечером, в этом безлюдном саду,
У квадратных сугробов так холодно здесь и бездомно.
В дом, которого нет, по ступеням прозрачным взойду
И в незримую дверь постучусь осторожно и скромно.
На пиру невидимок стеклянно звучат голоса,
И ночной разговор убедительно ясен и грустен.
– Я на миг, я на миг, я погреться на четверть часа.
– Ты навек, ты навек, мы тебя никуда не отпустим.
– Ты всё снился себе, а теперь ты к нам заживо взят.
Ты навеки проснулся за прочной стеною забвенья.
Ты уже на снежинки, на дымные кольца разъят,
Ты в земных зеркалах не найдёшь своего отраженья.

<1969>

Максимальный балл за всю работу – 80.

